

- Михаил Арсланьян.** К проблеме тематического определения летописного рассказа о четвертой мести княгини Ольги 3
- Константин Лаппо-Данилевский.** «Стихотворения Сафы, лесбийская стихотворицы» (1792) И. И. Виноградова и их французский источник 14
- Екатерина Дмитриева.** От мадригалов и эпиграмм к эпистолярной прозе: Билингвизм и мультязычие в текстах А. С. Пушкина 27
- Алина Бодрова.** Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского 51
- Лада Панова.** Чувственная филология: «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» Мандельштама 65
- Александр Долинин.** Кто такая «Салли Горнер»? Об одном реальном источнике «Лолиты» 103

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (1)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Михаил Арсланьян, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
mihail.arslanyan@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Екатерина Дмитриева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербург, Москва, Россия
katiadmitrieva@mail.ru

Александр Долинин, кандидат филологических наук, Professor Emeritus of Russian Literature, University of Wisconsin-Madison, Мэдисон, США
dolinin@wisc.edu

Константин Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
yurij-danilevskij@yandex.ru

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВА
(Москва / Санкт-Петербург)

ОТ МАДРИГАЛОВ И ЭПИГРАММ К ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ

Билингвизм и мультязычие в текстах А. С. Пушкина¹

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу использования французского языка Пушкиным в поэзии, прозе и письмах. Переход с русского на французский и наоборот оказывается по-разному маркирован в различных жанрах, но в любом случае, помимо этикетной функции, он влечет за собой выбор определенной стилистики, за которой скрывается картина мира, свойственная тому или иному языку.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, билингвизм, двуязычие, наброски художественных произведений, мадригалы, эпиграммы, эпистолярный жанр.

The aim of the paper is a comparative analysis of the use of the French language by Pushkin in poetry, prose and letters. The transition from Russian to French and vice versa turns out to be differently labeled in different genres, but in any case, in addition to the etiquette function, it entails the choice of a certain style, behind which is a picture of the world that is peculiar to one or another language.

Key words: A. S. Pushkin, bilingualism, plans and outlines, madrigals, epigrams, epistolary genre.

Отношение А. С. Пушкина к французскому языку в системе русской языковой культуры, как известно, не было однозначным. При том, что русский язык был для Пушкина, по выражению Чаадаева, «языком призвания»,² до конца жизни он не мог отойти от усвоенной им с детства культуры

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ (РФФИ), проект № 17-24-08001 «Александр Пушкин: от многоязычия к переводу».

² Письмо П. Я. Чаадаева А. С. Пушкину от 17 июня 1831 года. В оригинале: «...il ne faut pas que vous parlez d'autre langue que celle de votre vocation» («...вы должны говорить только на языке своего призвания») (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 272).

мышления по-французски. Характерно в этом отношении размышление в незаконченном романе «Рославлев», где Пушкин от лица своей героини прямо говорит о французском субстрате русской речи, и — что еще важнее — русского мышления: «Мы принуждены все, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы».¹

Но и в отношении макаронического смешения «французского с нижегородским» в пределах одного теста Пушкин мог высказываться весьма по-разному. С одной стороны, существует свидетельство П. А. Вяземского о том, что Пушкин называл французские слова в русской речи «яркими заплатами», способными привлечь внимание читателя».² С другой, мы имеем высказывание самого Пушкина в письме к брату (Л. С. Пушкину) от 24 января 1822 года: «...как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина...».³

Впрочем, показательно, что мысль самого Пушкина в непосредственном, «предлитературном» выражении сплошь и рядом оформлялась двуязычно: одновременно по-французски и по-русски. В этом смысле особенно характерны планы прозаических произведений Пушкина, отражающие характер его художественного мышления и менее всего подвергаемые корректировке с точки зрения языка. Они являют собой наиболее яркий материал для изучения тех сфер жизни, а также сюжетных мотивов, которые тяготели соответственно то к французскому, то к русскому способу выражения.

Например, один из пушкинских планов, относящихся к «Русскому Пеламу», отчетливо демонстрирует, насколько языковое расслоение здесь соотносится со стилевым: так, по-французски оформляются либертинские мотивы, в то время как все, попадающее в сферу чувствительного или, наоборот, френетического письма, пишется по-русски:

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 201.

² Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 121.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 33.

История Федора Орлова — un élégant, un Zavadovski, mauvais sujet, des maîtresses, des dettes.¹ Он влюбляется в бедную светскую девушку, увозит ее; первые года роскошные, впадает в бедность, cherche des distractions chez ses premières maîtresses,² доходит до разбойничества, зарезывает Щепочкина; застреливает (или исчезает).³

Ср. другой план-набросок к тому же роману:

1) Воспитание. Смерть матери — явление княгини Хованской с Ниградским, мои ошибки с ним, его сплетни. Гувернеры — Жизнь отца, il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes, et mauvaise en fait de femmes.⁴ Я выхожу в свет.

II) Светская жизнь Петербургская (получаю часть моей матери), балы, скука большого света, происходящая от бранчивости женщины; он по примеру молодежи удаляется в холостую компанию, дружится с Zavadovski (Ф. Орловым).

III) Общество Zavadovski, les parasites, les actrices — sa mauvaise réputation; il devient amoureux, Пельмов est son confident.⁵

IV) Enlèvement. Pelymof devient aux yeux du monde un mauvais sujet⁶ и т. д.

В последнем случае примечательно, что даже превращению героя (Пельмова) в либертена сопутствует преобразование его русского имени в транслитерированное французское (Pelymof).

Показательно также, что среди планов ненаписанных произведений Пушкиным целиком оформляется по-французски запись сюжета о двух танцовщицах («Les deux danseuses») — своего рода русской версии истории женского

¹ фат, некто Завадовский, человек с дурной репутацией, любовницы, долги (фр.)

² ищет развлечений со своими бывшими любовницами (фр.)

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 775.

⁴ он принимает у себя хорошее мужское общество и дурное — женское (фр.)

⁵ Завадовский, паразиты, актрисы — его дурная слава; он влюбляется, (Пельмов) становится его наперсником (фр.)

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 776; перевод: Похищение. Пельмов слывет в глазах света человеком с дурной репутацией (фр.). См. также планы к повестям «Гости съезжались на дачу», «Роман на Кавказских водах».

либертинажа.¹ И, с другой стороны, в сохранившихся, например, планах к «Капитанской дочке» Пушкин французский язык не использует вообще.²

При том, что явление поэтического двуязычия в пушкинскую эпоху весьма распространено (французские стихи пишут Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, также и декабристская лирика С. И. Муравьева-Апостола и в особенности А. П. Барятинского оформляется по-французски),³ сам Пушкин, свободно владея техникой французского стиха и традиционными приемами и жанрами французской поэзии XVIII века, в зрелом возрасте французских стихов почти не писал (характерно, что и Лермонтов считал французский язык хорошим лишь для «первых стихов»)⁴ Из десяти французских стихотворений девять были им (Пушкиным) написаны до 1821 года. Это: «Dis moi, pourquoi l'Escamoteur...», «Je chante ce combat, que Toly remporta...» (написаны до поступления в Лицей),⁵ «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...»), «Mon

¹ Об истории и сущности женского либертинажа см.: *Delon M. Le savoir-vivre libertin. Paris, 2000. P. 281–300.* То же на русском языке: *Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.). М., 2013.*

² О французском и смешанном языке пушкинских планов и набросков см. также: *Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб., 2007. С. 490–492; Дмитриева Н. Л. О билингвизме в рукописях Пушкина // Языки рукописей. СПб., 2000. С. 85–93.*

³ См.: *Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков = La littérature russe d'expression française. XVIIIe–XIXe siècles. Wien, 1994. S. 230–431 (Wiener slawistischer Almanach. Sbd 36); Ковалева Т. В. Билингвизм в русской культуре XVIII — середины XIX веков. СПб., 2007.* См. также фундаментальное издание, посвященное проблеме культурного двуязычия в России: *French and Russian in Imperial Russia / Ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh, 2015. Vol. 1–2; рец. на изд.: Гречаная Е. «Язык чужой не обратился ли в родной?» [рец. на кн.: French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh, 2015] // Новое литературное обозрение. 2016. № 3 (139).*

⁴ См. об этом: *Розенцвейг В. Ю. Русско-французское литературное двуязычие XVIII — середины XIX веков // Русская литература на французском языке. С. 69.*

⁵ Ранее данные стихотворения публиковались в разделе Dubia как приписываемые Пушкину (см., например: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 415–416).*

portrait» (1814), «Кн. В. М. Волконской» («On peut très bien, mademoiselle...») (1816), «Couplets» («Quand un poète dans son extase...») (1817), «Tien et mien? — dit Lafontaine...» (1819), «A son amant Eglé sans résistance...» (1821), «J'ai possédé maitresse honnête...» (1821). И лишь одно — «Quand au front du convive, au beau sein de Délie...» — в 1825 году.¹

Практически все они укладываются в традиционные жанры французской поэзии XVIII века. Во-первых, это — эпиграмма, в основе которой лежит словесный и смысловой эротический каламбур («Кн. В. М. Волконской», «A son amant Eglé sans résistance...», «J'ai possédé maitresse honnête...»). В первой эпиграмме, которой Пушкин «почтил» непривлекательную фрейлину императрицы Елизаветы Алексеевны, каламбур основан на том, что эпитеты и определения, которые поэт дает фрейлине, перечисляя в одном ряду тех, на кого она похожа (сводня — *maquerelle*, старая мартышка — *vieille guénon*), и то, за что ее никак нельзя принять (девка, потаскушка — *une garce*), — все они неожиданно образуют катахрезу, а не оксюморон, который легко можно было бы предположить:

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guénon,
Mais pour une garce, — oh, mon Dieu, non.²

Оказывающееся смысловым пуантом слово *garce* (потаскушка) ассоциируется с неназванным, но фонетически созвучным и потому напрашивающимся словом *grace* (грация).³ При этом утверждать, что *старая мартышка* и *сводня*

¹ Мы не рассматриваем здесь прозаический перевод русских народных песен, сделанный Пушкиным в 1836 году для Ф.-А. Лева-Веймара. Об этом см.: Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков. С. 361–365, 381.

² Весьма возможно, мадмуазель, / Принять вас за сводницу / Или за старую мартышку, / Но за девку, — о, Господи, конечно нет (*фр.*)

³ С этим пушкинским каламбуром связан и текстологический казус данной эпиграммы. Первые издатели, «попав на удочку» каламбурившего Пушкина, прочли слово *garce* как *grace*, и в таком виде эпиграмма печаталась вплоть до появления первого «пробного» тома нового академического собрания сочинений А. С. Пушкина, в котором В. Э. Вацуро восстановил оригинальную версию (см.: *Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813–1817.* СПб., 1994. С. 660–661).

не есть грация — трюизм, который в сущности и не смешон. А сказать, что эта же старая мартышка (*vielle guénon*) даже и за потаскушку принята быть не может — утверждение неожиданное, смехотворное в своей неожиданности и оттого тем более обидное. Впрочем, во французской поэзии XVIII века подобная техника суггестивного каламбура была предельно разработана, и юный Пушкин лишь виртуозно воспроизвел ее в своей эпиграмме.¹

В эпиграмах 1821 года «A son amant Eglé sans résistance...» и «J'ai possédé maîtresse honnête...» варьируется, по сути, одна и та же модель каламбура. В первом случае бессилие любовника, причину которого рассерженная Аглая готова увидеть либо в отвращении к ней, либо в *переизбытке любви*, самим «любовником» объясняется как *переизбыток почтения* («Est-ce dégoût? — Mon dieu, c'est autre chose. / — Excès d'amour? — Non, excès de respect»)². Причем суггестивный, то есть подразумеваемый и дополнительный, смысл данного каламбура заключается еще и в том, что слово *уважение* (*respect*) в XVIII веке было одним из излюбленных слов в так называемом «жаргоне» либертенов, поскольку им одновременно прикрывали и им же дезавуировали свои эротические интенции предприимчивые любовники.³ Последнее делает эпигramму Пушкина вдвойне комичной.

Именно «избыток уважения», который в XVII веке входил в кодекс «порядочного человека» — *honnête homme* (на это намекает и первый стих эпиграммы — *maîtresse honnête*), а в XVIII веке двусмысленно был взят на воору-

¹ О поэтике французского каламбура см., в частности: *Hazan E. L'Invention de Paris. Paris, 2009.*

² Это отвращение? — Бог мой, это нечто другое. / — Переизбыток любви? — Нет, переизбыток уважения (*фр.*)

³ Ср., например, рассуждения об уважении героини романа Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» маркизы де Люрсе, соблазняющей юного Мелькура. См. подробнее: *Dagen J. Introduction // Crébillon fils. Les égarements du coeur et de l'esprit. Paris, 1985. P. 55–58.* См. также нашу статью: *Дмитриева Е. Кодекс поведения «honnête homme» или кодекс либертена? (роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума») // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 106–119.*

жение либертенами, становится пуантом другой пушкинской эпиграммы, герой которой удовольствуется одним лишь физическим обладанием — якобы из того же превратно понятого «респекта»:

J'ai possédé maîtresse honnête.
Je la servais comme il lui faut.
Mais je n'ai point tourné la tête.
Je n'ai jamais visé si haut.¹

В мадригал в стиле галанто-эротический поэзии неожиданно превращается у Пушкина и обсуждение философской дилеммы «твое и мое», которую Паскаль называл «прообразом захвата всей земли», а Ж.-Ж. Руссо — основанием всякого «гражданского общества, которую широко обсуждали Н. Буало, Ж. де Лафонтен и Вольтер и которая также стала «общим местом» дидактической литературы и соответственно стихов «на заданную тему»:²

Que serait-ce ma Climène,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien?³

Собственно, к стихам «на заданную тему» относятся и пушкинские «Couplets» («Куплеты») и «Mon portrait» («Мой портрет»): создание физического и нравственного портрета (автопортрета) было очень популярно во французской педагогике, равно как и литературе, начиная с XVII века; соответственно, и формы его были основательно разработаны.⁴ Обратим внимание еще на одну особенность французских стихов Пушкина: те немногочисленные

¹ У меня была порядочная любовница. / Я ей служил, как подобает / Но головы ей не кружил, / Я никогда не метил так высоко (*фр.*) В данном стихе мы к тому же имеем непереводимую игру слов: *comme il lui faut* означает здесь одновременно и «как подобает» (*comme il faut*), и «как ей было потребно» — то есть как она того сама хотела.

² *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 224–225, 739. См. также: *Заборов П. Р.* Русско-французские поэты XVIII века // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 66–105.

³ Что, ежели б ты не была моею? / Что, ежели б я не был, Ниса, твой? (*фр.*)

⁴ См. коммент. в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 601.

собственно лирические его стихотворения, что написаны на французском языке, воспроизводят, как это уже неоднократно отмечалось исследователями, вполне конкретные и известные литературные образцы — к оде П. Ронсара «К возлюбленной» (1553) восходят «Стансы»,¹ наброском в манере антологической поэзии, «возможно, попыткой подражания Андрею Шенье» оказывается последнее и относительно позднее французское стихотворение Пушкина «Quand au front du convive...», имеющее также и русскую версию «Лишь розы увядают...».²

И все же из литературных и квазилитературных жанров наиболее актуальным выбор языка в России первых трех десятилетий XIX века был в жанре эпистолярном — самом свободном в языковом отношении и к тому же испытывающем на себе прямое влияние бытовой, устной речи. Билингвизм здесь мог проявляться двояко: в смысле выбора того или иного языка как доминирующего языка общения в переписке с тем или иным корреспондентом и также как смешение двух языков в пределах одного текста.

О том, что французские слова и выражения в русской речи часто появлялись у Пушкина (как и вообще у многих его современников) в тех случаях, когда им трудно было найти русский эквивалент, говорилось в научной литературе немало.³ Однако существенно, что Пушкин в соответствующих случаях все же старался отыскать и поставить рядом с французским словом его русский синоним, преодолевая тем самым лень мысли, которая легко возникает в ситуации человека двуязычия, не желающего искать способ выражения в пределах одного языка: «...кто милее и прелестнее

¹ Викери У. К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // Русская литература. 1968. № 3. С. 82–90. Как воспроизведение горадианско-ронсаровского мотива «лови день» трактует стихотворение и Л. И. Вольперт (см.: Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. С. 480).

² Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. С. 488.

³ См., в частности, работы по истории русского литературного языка В. В. Виноградова, Г. О. Винокура. См. также: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988; Дмитриева Н. Л. Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина // Россия и Франция: Диалог культур. Статьи и материалы. Тверь, 2015. С. 82–99.

(*gracieuse*), Татьяна или Юлия?» — пишет Пушкин А. Бестужеву.¹ Или: «Жаль мне, что слово *вольнoлюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее *libéral*, оно прямо русское...».² Французские пояснения в приведенных примерах имеют не только сугубо практическое значение. Они создают особую литературную атмосферу поиска слова и одновременно игры словом.

С другой стороны, французские вставки часто привносили в письмо и элемент разговорности, особенно когда в роли вставок выступали фразеологизмы, иногда почти неперево-димые — или грубо переводимые — на русский язык. Так, Пушкин пишет Вяземскому 7 июня 1824 года: «...материалы есть, материалисты есть, но *où est le cul de plomb qui poussera ça?*»³ В старом академическом издании Пушкина выражение переводилось: «где тот свинцовый зад, который будет толкать все это»,⁴ — что, в сущности, не совсем точно, поскольку *cul de plomb* (дословно: свинцовый зад) имеет первым словарным значением «усидчивый», «усердный» — и это негрубое фразеологическое значение явно доминирует в тексте, при том что и каламбурный образ «свинцового зада» не снимается.

В письме, что вполне естественно, автор — не единственное действующее лицо. В письмах часто слышатся посторонние голоса. Но каждый посторонний голос сам по себе уже открывает возможности выхода из единой языковой системы. Неудивительно, что цитирование чужой речи, даже гипотетической, на французском языке часто встречается в письмах (так же, как во французских письмах возможно цитирование чужой речи по-русски):⁵

Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 131.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 764.

⁵ Ср. случай появления во французском письме Пушкина к А. П. Керн русской речи: «*Savez-vous bien qu'en relisant ces lignes je suis honteux de leur ton sentimental — que dira Анна Николаевна? Ах вы чудотворка или чудотворица!*» (Там же. С. 158).

вас: hier Madame une telle était décidément la plus et belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мне твое письмо...¹

И в этом смысле функция билингвизма здесь практически та же самая, что и в поэтическом тексте свободного, нерегламентированного жанра, каковым у Пушкина являются поэма «Граф Нулин» и роман в стихах «Евгений Онегин»,² в которых Пушкин достаточно широко прибегает к макароническому стиху. Ср. в «Графе Нулине», где введение французской речи способствует созданию непринужденной манеры повествования, близкой к «болтовне», которую и стремился воспроизводить в своей поэме Пушкин, а сами французские реплики выступают как цитирование чужого слова:³

«А что театр?» — О! Сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.⁴
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увы! стареет,
За то Потье, le grand Potier!⁵

При всем разнообразии проявления двуязычия в пушкинских письмах можно выделить несколько типических ситуаций, в которых Пушкин (как, в сущности, и большинство его современников) чаще всего предпочитал перейти с русского языка на французский. Так бывало, когда разговор заходил о женщинах, особенно когда он велся в шутиливо-галантном или фривольном тоне: «On vous permet d'écrire des lettres — mais sous l'adresse de notre soeur⁶ (пойми!)» — пишет Пушкин брату о тригорских барышнях.⁷ Или, всерь-

¹ Там же. С. 491.

² См.: *Виролойнен М. Н.* Гетерогенность языковой структуры в черновиках «Евгения Онегина» // *Мультилингвизм и генезис текста.* М., 2010. С. 44–61.

³ *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975. С. 40.

⁴ Это плохо, какая жалость (*фр.*)

⁵ ...великий Потье! (*фр.*)

⁶ Вам разрешают писать письма, но на адрес нашей сестры... (*фр.*)

⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 136 (письмо Л. С. Пушкину от 7 апреля 1825 года).

ез сокрушаясь о постигшем Петербург наводнении и даже желая *incognito* помочь пострадавшим, все же не удерживается, чтобы не вставить по-французски типично «мужской» каламбур, объектом которого являются женщины: «потоп! ничто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet».¹

Переход на французский язык в контексте русского письма нередко был связан также и с желанием избежать излишней серьезности по отношению к вещам, о которых говорилось. Так, в письме А. А. Бестужеву, говоря о Н. В. Всеволожском, Пушкин пишет: «Я бы в придачу предложил ему мою дружбу, *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles*».² С этим, скорее всего, связан и почти обязательный (т. е. психологически оправданный) переход на французский язык при обсуждении денежных дел. Здесь французский язык позволяет не только избежать деликатных и щекотливых ситуаций — опять-таки благодаря своей ритуальности и разработанности этикетных правил, — но и придает письму известную легкость, делая его подобным устному разговору.

В целом можно сказать, что смешение двух языков в переписке Пушкина есть индикатор отношений: совмещение «французского с нижегородским» возможно в письмах к друзьям-литераторам, к жене. Чем холоднее отношения, тем менее допустимо привносить элемент разговорности и непосредственности в письмо, т. е. переходить с одного языка на другой и смешивать их. Но вместе с тем употребление французской речи в письмах Пушкина-протеза зависело еще и от характера корреспондента, на которого Пушкин «настраивался»: так, в переписке со своими литературными друзьями Жуковским, В. К. Кюхельбекером, А. А. Дельвигом, в меньшей степени ориентированными на французскую языковую культуру, чем, например,

¹ Там же. С. 109; перевод: ...вот отличная возможность для ваших дам подмыться (*фр.*).

² Там же. С. 95; перевод: ...но у него она [дружба] уже давно, к тому же и стоит она всего лишь 1000 рублей (*фр.*).

Вяземский, А. И. Тургенев или Бестужев, Пушкин соответственно вводил французскую речь значительно реже или даже вообще ее избегал.

Из 786 дошедших до нас пушкинских писем почти одна пятая часть (163) написана по-французски. Какие письма должны были писаться в пушкинскую эпоху по-французски, а какие — по-русски, во многом предписывал этикет, и об этом уже много говорилось в исследовательской литературе.¹ Нас же здесь будет интересовать несколько иной аспект проявления двуязычия в письме: как конкретно внутри этикетных требований выбор того или иного языка предопределял содержание письма и тон его повествования и как, с другой стороны, содержание письма вызывало употребление того или иного языка.

Надо сказать, что до сих пор к эпистолярному наследию Пушкина (как, впрочем, и других писателей его времени) относятся как к цельному корпусу текстов — и когда его рассматривают как факт литературы, и когда письма используют как источник биографических и культурологических сведений. Между тем природа русского и французского письма не могла не быть различной, несмотря на связующее единство авторского сознания.

Так, во французских письмах Пушкина, даже вне зависимости от того, к кому они обращены, перед читателем нередко возникает чувствительный образ автора, аналогии чему мы вряд ли найдем в его русских письмах. В одних случаях эта чувствительность проявляется как повышено поэтическое восприятие действительности: «Sa solitude est véritablement

¹ Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Русская литература на французском языке. С. 47–50; Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. С. 489–490. См. также: Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Т. 24: Литературоведение. С. 148–156; Дмитриева Е. Е. Поэтика французских писем Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 45–59; Dmitrieva K. La correspondance française de Pouchkine: ruptures mentales, ruptures nationales // Philologies III. Qu'est-ce qu'une littérature nationale? Approches pour une théorie interculturelle du champ littéraire / Ed. M. Espagne et M. Werner. Paris, 1994. P. 73–84; Дмитриева Н. Л. Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина.

poétique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir», — пишет он П. А. Осиповой 29 июля 1825 года.¹ В других — как подчеркнутая благодарность или верность: «Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible».² В 20-е годы XIX века в пушкинском окружении и пушкинском быту чувствительность уже казалась нелепым анахронизмом. Соответственно, чуть появляющиеся признаки сентиментальности в русских письмах Пушкина тут же «снимались» введением мотивов совершенно иного рода — так велико было в это время табу на самораскрытие. И только во французских письмах этой боязни выразить чувства и показаться смешным не было, поскольку чувствительность, способность и влечение к самопризнаниям прочно утвердились за французской литературной традицией второй половины XVIII века:³ они же во многом придавали и ту занимательность, которой требовал французский стиль выражения.⁴

В 1830 году Пушкин пишет письмо Н. И. Гончаровой, представляющее собой род исповеди, обращенной, в общем, к мало знакомому для него человеку. При всей психологической объяснимости самого момента его написания, подобное письмо в это время было возможно лишь на французском языке с его традицией исповедальности и чувствительности (решающее значение для создания и укрепления этой традиции несомненно имел роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»). Но обратим внимание, что в письме появляется ряд

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 161; перевод: Одиночество его [Тригорского] поистине поэтично, потому что полно вами и воспоминаниями о вас (*фр.*).

² Там же. С. 164; перевод: Вы не можете себе представить, сударыня, как этот знак внимания и памяти мне был чувствителен (*фр.*).

³ О том, что субстратом французского языка в России первой трети XIX века оставался язык дореволюционной Франции, см.: Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 199–201; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Т. 24: Литературоведение. С. 168–254; Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886; French and Russian in Imperial Russia; Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски. М., 2010. См. также: Дмитриева Е. Е. Эпистолярный этикет и его преодоление (французская семейная переписка великой княгини Марьи Павловны) // Россия и Франция: Диалог культур. С. 50–71.

⁴ См.: *La Harpe*. Lycée. Paris, 1831. Т. 8. Р. 311.

«поэтических мотивов», в равной степени относящихся к реальности чувства Пушкина к Н. Н. Гончаровой, как и к традиционным мотивам французской литературы и французского стиля выражения: «горечь», «чувство счастья», «небесный образ» и т. д. Но, что самое поразительное, при всей биографической уникальности данного письма, сюжетно-смысловая структура его вовсе не является единичной: в эпистолярном наследии Пушкина мы находим другое письмо (и тоже написанное по-французски), которое имеет сходный сюжет и сходную стилистику выражения.

В 1826 году Пушкин уже сватался к Софье Пушкиной и письменно обращается за помощью к своему приятелю — В. П. Зубкову, прося его быть посредником и размышляя в этой связи о себе, своей жизни и проч. Сравним некоторые фрагменты обоих писем:

Письмо В. П. Зубкову. 1 декабря 1826 года ¹	Письмо Н. И. Гончаровой. 5 апреля 1830 года ²
«...а я вижу раз ее в ложе, в другой раз на бале, а в третий сватаюсь! ³ ...увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться».	« Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandai...» («Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение»).
«Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible à la fois — voilà ce qui me donne des moments de réflexion pénible» («Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья»).	«Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination; ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés» («Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила»).

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 221–222.

² Там же. С. 278–280.

³ В оригинале на русском языке.

«...que ma conduite avec elle a été ridicule» («... и как смешно было мое поведение с ней!»).	«Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule...» («Я чувствовал, что играл смехотворную роль...»).
«...je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire» («...но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает, — содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы»).	«Toutefois ne murmurerait-elle pas si sa position dans le monde ne sera pas aussi brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désiré?» («И все же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как мне хотелось бы?»).

Совершенно очевидно, что не только сюжетные ходы, но даже сам способ их выражения в обоих письмах повторяются: это и обещание раскрыть то, что лежит на душе, и воспоминание о первой встрече, и раздумья об ошибках молодости, и предвиденье будущего. Перечисленные мотивы оказываются настолько общими для французской литературно-языковой традиции, что легко появляются и в других письмах Пушкина, написанных по-французски (но никогда — в письмах русских): во французском письме к брату 1822 года,¹ к А. И. Казначееву² и проч. Разумеется, при внешней схожести, внутренне для самого Пушкина письма были наполнены каждый раз своим неповторимым содержанием. Но при этом употребление в них французского языка определило тот особый угол отражения действительности, при котором реальные события легко ассоциировались также и с литературным текстом. События, произошедшие в разные годы, упорядочивались в сознании пишущего по-французски Пушкина и тем самым неожиданно сближались между собой.

В кругу тем и понятий французской литературы XVIII века прочное место занимала тема нравоучения. Даже самая легкая и развлекательная литература должна была быть поучительной. В русле этой традиции и появляются среди французских писем Пушкина письма-поучения. Наиболее известное из них — уже упомянутое письмо 1822 года к брату —

¹ Там же. С. 47–48.

² Там же. С. 88–89.

единственное, написанное на французском языке, в котором Пушкин преподает Левушке уроки жизни. Занятие, надо сказать, вообще-то Пушкину мало свойственное (ср. в русском письме: «Нравоучительных примечаний делать я не намерен...»¹). Между тем, это французское письмо является одним из самых автобиографических, исповедальных у поэта. Вопросы дружбы, покровительства, отношения с женщинами, которых он здесь касается, предельно важны для Пушкина начала 1820-х годов. И в этом смысле письмо к брату написано именно как человеческий документ, а не литературный.

И все же постановка письма в контекст французской литературы показывает, насколько под знаком литературной традиции было написано и оно, и насколько собственные переживания Пушкина оказались в нем завуалированы «общими местами» известных французских текстов. В критике уже отмечалась близость данного письма «по духу и стилевой манере» роману «Адольф» Бенжамена Констана.² Впрочем, как отмечает Л. И. Вольперт, прямых реминисценций из «Адольфа» в пушкинском письме все же не обнаруживается. Зато во французской литературе XVIII века есть один роман, в котором определенные параллели с пушкинским письмом можно проследить почти на текстуальном уровне. Это уже упомянутый выше роман К. П. Ж. де Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» (1736–1738), в одном из эпизодов которого светский лев Версак дает советы своему юному другу Мелькуру при его вступлении в свет:

Роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» ³	Письмо Пушкина Л. С. Пушкину. Сентябрь (после 4) — октябрь (до 6) 1822 года ⁴
«C'est aussi un grand défaut pour le monde, que de vouloir ramener tout à son propre caractère» («Большим пороком в свете является желание судить обо всем, исходя из собственного характера»).	«Ne les jugez pas par votre coeur...» («Не суди о людях по собственному сердцу...»).

¹ Там же. С. 345.

² Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. С. 149.

³ Crebillon fils. Les égarements du coeur et de l'esprit. P. 212–215.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 47–48.

<p>«...sacrifier votre vanité à vos intérêts»</p> <p>(«...свое тщеславие следует приносить в жертву своим интересам»).</p>	<p>«...les petites friponneries de la vanité nous rendent ridicules et méprisables»</p> <p>(«...мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения»).</p>
<p>«...que ma conduite avec elle a été ridicule»</p> <p>(«... и как смешно было мое поведение с ней!»).</p>	<p>«Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule...»</p> <p>(«Я чувствовал, что играл смешотворную роль...»).</p>
<p>«Gardez-vous surtout de vous faire du monde une trop haute idée»</p> <p>(«Опасайтесь составить себе слишком высокое мнение о свете»).</p>	<p>«Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez de beaucoup»</p> <p>(«С самого начала думай о них (людях) все самое плохое: ты не слишком ошибешься»).</p>

Впрочем, даже приведенные параллели вряд ли означают, что письмо Пушкина брату построено именно на реминисценциях из романа Кребийона, точно так же, как оно вряд ли было даже косвенным образом ориентировано на «Адольфа». Важнее здесь другое: существование в сознании Пушкина определенного набора понятий, литературно общих мест, составляющих культурные приметы эпохи и воспринимающихся как сознательные реминисценции лишь глазами поколений уже последующих эпох, чуждых культурному контексту пушкинской.

В большинстве случаев проигрывание определенных ситуаций во французских письмах Пушкина весьма условно, будучи в основном подсознательной ориентацией на «большую литературу», что давало возможность высказывать вещи психологически и в силу иной традиции трудно выразимые в стилевой системе русского языка (уже упомянутые письма к Л. С. Пушкину, Зубову, Н. И. Гончаровой). Однако среди французских писем есть и такие, в которых проигрывание той или иной роли становится сознательной установкой, как, например, в письме А. Н. Раевскому 1823 года, где Раевский представляется в литературной маске то Мельмота, то Ловеласа, а из реальных событий конструируется романический сюжет с литературными отсылками.¹

¹ См. об этом подробно: *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция С. 50–106.

В остальном же надо иметь в виду, что, как об этом уже отчасти говорилось, повышенная «литературность» французских писем, их ориентация на стиль художественной прозы (при том, что грань между разговорным языком французской аристократии и художественным языком французской прозы в XVIII веке была почти стерта, о чем неоднократно говорили и Карамзин, и сам Пушкин) легко позволяли сместить некоторые реальные события, придав им подчеркнuto поэтический, «олитературенный» характер. Эту сторону поэтики французского письма непременно следует учитывать при использовании его как биографического документа.

Так, например, в конце октября 1824 года Пушкин пишет из Михайловского В. Ф. Вяземской: «Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide Muse...».¹ Между тем, объективные данные и, в частности, русские письма Пушкина того же времени свидетельствуют о достаточной плодотворности пушкинских занятий осенью 1824 года. В письме П. А. Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 года² жалоба на нелепость и скуку существования, которая доминировала в письме к его жене, растворяется в потоке обсуждаемых дел, бытовых и литературных: обсуждается «дело Ольдекопа», Пушкин сообщает Вяземскому текст эпиграммы на Воронцова, описывает поминанье Байрона в Воронической церкви и, что самое важное, говорит об окончании поэмы «Цыганы». Существует, таким образом, своеобразный протезизм не только на адресата письма, но и на язык, причем французскому письму при таком положении дел более пристала «элегическая» и «романическая» версия авторского облика (отметим, что именно в упомянутом французском письме В. Ф. Вяземской Пушкин «запускает» и по сей день бытующую легенду о схожести своего михайловского образа жизни с деревенским бытием его литературного героя Онегина).

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 103; перевод: Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза (фр.).

² Там же. С. 100.

Примером прямой поэтизации реальных событий может служить письмо к Анне Николаевне Вульф с известным описанием прогулки Пушкина и А. П. Керн по Михайловскому: «... la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table auprès d'une héliotrope fanée».¹ В действительности же, как вспоминала потом А. П. Керн, «никакого не было камня в саду», а споткнулась она о переплетенные корни деревьев.² Пушкинское письмо таким образом приобретает прерогативу художественного произведения, художественная правда которого вовсе не обязательно должна совпадать с правдой бытовой.

Если основным конструктивным принципом русских писем Пушкина и его современников было столкновение различных стилевых пластов, их совмещение и обыгрывание,³ то преобладающим стилем его французских писем был все же «простой стиль», закрепленный во Франции за письмом как за малым жанром еще со времен г-жи Севинье и рекомендуемый французскими письмовниками вплоть до середины XIX века.⁴ Основной особенностью этого стиля является допустимость общих фраз, «общих» средств выражения, что, кстати, соответствует и общему консервативному характеру французского языка дореволюционной Франции. Индивидуальные стилистические образования во французских письмах Пушкина крайне редки. Часто встречающиеся эпитеты относятся к типу стандартных, узаконенных как прозой, так и поэзией второй половины XVIII – начала XIX веков: *femmes charmante* (очаровательная женщина), *nouvelle charmante* (очаровательное известие), *charité charmante* (очаровательное милосердие), *charmante traduction* (очаровательный перевод), *triste jeunesse* (печальная юность), *triste situation* (печальная

¹ Там же. С. 155; перевод: ...камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа (*фр.*).

² Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 411.

³ См.: Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1972; Левкович Я. Л. Письма // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 529–534; Todd W. M. The familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin. Princeton, 1976. P. 35, 83.

⁴ См.: L'art de la correspondance ou modèles de lettres. Paris, 1800. P. 20; Manuel épistolaire à l'usage de la jeunesse. Paris, 1818.

ситуация) и т. д. Информативность у данных эпитетов либо совсем отсутствует, либо она минимальна: они несут художественную нагрузку не индивидуального, но коллективного опыта, отчего и «литературность», которую эти эпитеты придают тексту, кажется скорее воспроизводящей, чем творческой.

Также и гипербола во французских письмах Пушкина носит по большей части характер банальных преувеличений разговора, лишенных строго определенного значения и никого не обманывающих излишеством смысла. «...j'ose à peine prendre la plume» («Я едва осмеливаюсь взяться за перо»), — пишет Пушкин Осиповой. «Jugez de mon désespoir» («Судите о моем отчаянии»), — говорит он в письме к неизвестной. «Je tremble que vous ne les trouviez trop raisonnables» («Я содрогаюсь при мысли, что вы найдете эти доводы слишком разумными»), — пишет он в письме к Н. И. Гончаровой.¹

Классические фигуры риторики, такие как градация, параллельные конструкции, анафора, риторические вопросы и восклицания тоже постоянно присутствуют (в отличие от русских писем) во французских письмах Пушкина. На этом фоне и реально-бытовые вопросы часто получают статус риторических, т. е. не требующих ответа и весьма условных. Сам Пушкин очень хорошо осознает эту условность, когда, задав множество вопросов на французском языке своей невесте, добавляет: «Au reste n'allez pas vous effrayer de toutes ces questions, vous pouvez fort bien n'y pas répondre — puisque vous me prenez toujours pour un coëchivier».²

Кроме того, важная составляющая этикета французского письма — комплимент. Авторы французских риторик прямо советуют «вовремя и ловко похвалить собеседнику».³ Та же установка находила свое конкретное выражение и в письмах классиков эпистолярного жанра — Ги де Бальзака, Винсена Вуатюра, г-жи де Севинье, Ж. Б. Руссо и др., оказавших непосредственное влияние на формирование французской ма-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 240, 426, 280.

² Там же. С. 299; перевод: Впрочем, не пугайтесь всех этих вопросов, вы отлично можете не отвечать на них — потому что вы всегда смотрите на меня как на сочинителя (*фр.*).

³ L'éloquence de temps passé, enseignée à une dame de qualité. Par Mr** de l'Académie Française. Bruxelles, 1699. P. 24–25.

неры письма в России начала XIX века.¹ Именно это мы видим и у Пушкина, достаточно скупого на похвалы в русских письмах и широко расточающего их во французских: «*Merci mille fois, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers*» («Тысячу раз спасибо, дорогой князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения») (из письма Н. Б. Голицыну²); «*Il est bien heureux pour vous, Madame, d'avoir une âme capable de tout comprendre et de s'intéresser à tout*» («Как вы счастливы, сударыня, что обладаете душой, способной все понять и всем интересоваться») (из письма Е. М. Хитрово³). Комплимент во французском письме, не будучи назойливым, опирался на традицию и в результате воспринимался весьма нейтрально. А вместе с тем он придавал пушкинским французским письмам ту вежливость и галантность, которая в русской литературе и русском письме воспринималась уже как манерность.

Таким образом, культура двуязычия в России, расцвет которой во многих отношениях пришелся именно на пушкинскую эпоху, проявлялась, как известно, не только в сфере лингвистической, т. е. возможности свободного владения образованными людьми французским и русским языками, но также и в особенном складе мышления, соотносимом с тем или иным языком.⁴ Для Пушкина, для Вяземского, как и для

¹ См.: *Дмитриева Е. Е.* Развитие эпистолярного этикета в России XVIII–XIX века // *Известия Академии Наук СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 600.

³ Там же. С. 337.

⁴ Об этом свойстве постижения мира различным способом в различных языках заговорил одним из первых В. Гумбольдт (*Humboldt W.* Ueber die Kawisprachen auf der Insel Java. Darmstadt, 1949. S. 1–20). Из более поздних работ см. также: *Vossler K.* Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. Heidelberg, 1924; *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1938. Т. 1. С. 49 и далее; *Панфилов В. З.* Взаимодействие языка и мышления. М., 1971; *Арутюнов С. А.* Билингвизм и биокультурализм // *Советская этнография.* 1978. № 2. С. 3–14; *Алексеев М. П.* Многоязычие и литературный процесс // *Многоязычие и литературное творчество.* Л., 1981. С. 8 и далее; *Rjéoutski Vl.* Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe 1750–1880. Paris, 2016.

других представителей этой эпохи, русский и французский языки, которыми они почти свободно владели, естественно образовывали две отдельные системы ассоциаций: литературных, бытовых, стилевых, культурных. Это вело к тому, что оформление высказывания на том или ином языке в большой мере предопределяло содержание и тон повествования, так же, как нужное содержание вызывало употребление того или иного языка. На фоне русских писем французские письма оказывались несколько приостановленными в движении, воспроизводящими литературный опыт предыдущей эпохи. В определенном смысле можно было бы сказать, что во французских и русских письмах пушкинской поры мы имеем дело с различными стилевыми принципами: сентиментализма и романтизма с одной стороны, и наступающего реализма — с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев М. П. Многоязычие и литературный процесс // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 7–17.
2. Арутюнов С. А. Билингвизм и биокультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3–14.
3. Викери У. К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // Русская литература. 1968. № 3. С. 82–90.
4. Виноградов В. В. Язык Пушкина. М., Л., 1935.
5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Т. 24: Литературоведение. С. 168–254.
6. Виролайнен М. Н. Гетерогенность языковой структуры в черновиках «Евгения Онегина» // Мультилингвизм и генезис текста. М., 2010. С. 44–61.
7. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб., 2007.
8. Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
9. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски. М., 2010.
10. Гречаная Е. «Язык чужой не обратился ли в родной?» [рец. на кн.: French and Russian in Imperial Russia. Edinburgh, 2015] // Новое литературное обозрение. 2016. № 3 (139).
11. Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.) / Пер. с фр. Е. Дмитриевой, Г. Шумиловой; под общ. ред. Е. Дмитриевой. М., 2013.

12. *Дмитриева Е.* Кодекс поведения «honnête homme» или кодекс либертена? (роман Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума») // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 106–119.
13. *Дмитриева Е. Е.* Поэтика французских писем Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 45–59.
14. *Дмитриева Е. Е.* Развитие эпистолярного этикета в России XVIII–XIX века // Известия Академии Наук СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.
15. *Дмитриева Е. Е.* Эпистолярный этикет и его преодоление (французская семейная переписка великой княгини Марьи Павловны) // Россия и Франция: Диалог культур. Статьи и материалы. Тверь, 2015. С. 50–71.
16. *Дмитриева Н. Л.* О билингвизме в рукописях Пушкина // Языки рукописей. СПб., 2000. С. 85–93.
17. *Дмитриева Н. Л.* Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина // Россия и Франция: Диалог культур. Статьи и материалы. Тверь, 2015. С. 82–99.
18. *Заборов П. Р.* Русско-французские поэты XVIII века // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 66–105.
19. *Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 404–421.
20. *Ковалева Т. В.* Билингвизм в русской культуре XVIII — середины XIX веков. СПб., 2007.
21. *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
22. *Левкович Я. Л.* Письма // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 529–534.
23. *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988.
24. *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975.
25. *Лотман Ю. М.* Русская литература на французском языке // Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков = La littérature russe d'expression française. XVIIIe — XIXe siècles. Wien, 1994. С. 47–50.
26. *Панфилов В. З.* Взаимодействие языка и мышления. М., 1971.
27. *Паперно И. А.* О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Т. 24: Литературоведение. С. 148–156.
28. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2.

29. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1951.
30. *Пушкин А. С.* Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб., 1994.
31. Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков = La littérature russe d'expression française. XVIIIe–XIXe siècles. Wien, 1994. (Wiener slawistischer Almanach. Sbd 36).
32. *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960.
33. *Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1938. Т. 1. С. 40–53.
34. *Dagen J.* Introduction // Crébillon fils. Les égarements du coeur et de l'esprit. Paris, 1985. P. 55–58.
35. *Delon M.* Le savoir-vivre libertin. Paris, 2000.
36. *Dmitrieva K.* La correspondance française de Pouchkine: ruptures mentales, ruptures nationales // Philologiques III. Qu'est-ce qu'une littérature nationale? Approches pour une théorie interculturelle du champ littéraire / Ed. M. Espagne et M. Werner. Paris, 1994.
37. French and Russian in Imperial Russia / Ed. by D. Offord, L. Ryzanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh, 2015. Vol. 1–2.
38. *Hazan E.* L'Invention de Paris. Paris, 2009.
39. *Humboldt W.* Ueber die Kawisprachen auf der Insel Java. Darmstadt, 1949.
40. L'art de la correspondance ou modèles de lettres. Paris, 1800.
41. L'éloquence de temps passé, enseignée à une dame de qualité. Par Mr** de l'Académie Française. Bruxelles, 1699.
42. *La Harpe.* Lycée. Paris, 1831. Т. 8.
43. Manuel épistolaire à l'usage de la jeunesse. Paris, 1818.
44. *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886.
45. *Rjéoutski V.* Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe 1750–1880. Paris, 2016.
46. *Todd W. M.* The familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin. Princeton, 1976.
47. *Vossler K.* Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. Heidelberg, 1921.